

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ

ТОМ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

ИСТОРИЯ
О КАЗАНСКОМ ЦАРСТВЕ
(КАЗАНСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ)

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ

ТОМ XIX

ИСТОРИЯ
О КАЗАНСКОМ ЦАРСТВЕ
(КАЗАНСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ)

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
Москва 2000

ББК 84(2Рос=Рус)1.49
И 89

И 89 **История о Казанском царстве. (Полное собрание русских летописей. Том XIX). — М.: Языки русской культуры, 2000. — IV–XL, 328 с.**

ISBN 5-7859-0128-5

Необходимость репринтного воспроизведения издания «Истории о Казанском царстве» – историко-публицистической повести и выдающегося памятника русской культуры XVI века (известного также как «Казанская история», «Сказание о царстве Казанском», «Повесть о Казанском царстве»), – подготовленного Г. З. Кунцевичем в 1903 г., связана с его библиографической редкостью при сохраняющемся научном значении. Публикация учитывает последующие историко-текстологические исследования, базирующиеся на введенных в научный оборот новых списках, современных взглядах на происхождение и историю текста, новых классификациях списков. Уточняется датировка опубликованных списков, их современное местонахождение.

ББК 84(2Рос=Рус)1-49

© Л. А. Дубровина. Предисловие, 2000
© Издательство «Языки русской культуры»,
Составление, 2000

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к изданию 2000 г.	IV
Предисловие к изданию 1903 г.	XXVIII
Перечень глав Казанского летописца (по основному тексту).....	XXXIII
ИСТОРИЯ О КАЗАНСКОМ ЦАРСТВЕ	
(Казанский летописец)	1
Лица и места	497
Опечатки и дополнения.....	530

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 2000 г.

История о Казанском царстве, или Казанский летописец (далее КЛ), — своеобразная историческая повесть XVI в., беспрецедентно известный в XVII–XVIII вв. памятник русской письменности, составленный анонимным автором и посвященный трехсотлетней истории Казанского ханства до завоевания его Иваном Грозным в 1552 г. Повествовательность КЛ послужила причиной одновременного существования еще нескольких его названий, как распространенных — «Казанская история», так и менее известных — «Сказание о Царстве Казанском», «Повесть о Казанском царстве».

Переиздание XIX тома ПСРЛ вызвано не только необходимостью представить читателю ставшее библиографической редкостью критическое издание КЛ, но и целесообразностью включить опубликованные списки в контекст последующих историко-текстологических исследований памятника на основе введенных в оборот новых списков, современных взглядов на происхождение и историю текста. Требуется уточнения датировка списков и их современное местонахождение.

Во время издания XIX тома ПСРЛ Г. З. Кунцевичу, подготовившему этот том к печати, было известно около 150 списков КЛ (им учтены КЛ около 200 библиографических ссылок в описаниях, однако многие из них ему не удалось перепроверить).

В настоящее время этот памятник известен в огромном по средневековым меркам количестве списков (их более 300), насчитывает значительную по объему библиографию его исследований и разные точки зрения на классификацию текстов списков. Вместе с тем издание, подготовленное Г. З. Кунцевичем, продолжает оставаться базовым для последующего изучения КЛ, несмотря на то что публикация списков осуществлялась и после выхода XIX тома ПСРЛ.

Причины распространения КЛ и постоянного научного интереса к нему обусловлены его особым местом в истории русской истории и культуры. В нем нашло отражение органичное соединение летописной формы, придающее ему вид государственно значимого произведения, опирающегося на широкий круг официальных источников, публицистического жанра, впитавшего весь опыт русской средневековой и переводной литературы, живого русского языка XVI в., а также широко популярной во все времена темы — восточной политики и освещения одного из центральных событий русской истории XVI в. — завоевания Казанского ханства как результата борьбы за укрепление Русского государства и самодержавия как его оплота. В значительной мере это и определило его воздействие на все слои русского общества на протяжении нескольких веков переписки и публикаций этого значительного по содержанию и объему памятника.

КЛ как нарративный источник был всегда весьма значим и для истории народов Среднего Поволжья. Автор КЛ, бывший казанский пленник, который провел при дворе казанских ханов 20 лет, открытый идеолог укрепления самодержавия, воспевающий Ивана Грозного, вместе с тем, лично симпатизирует многим татарам, а его расска-

зы как очевидца опираются на собственный опыт, передают колорит жизни казанских татар, изобилуют многочисленными подробностями и деталями, которых не сохранили местные источники.

По вопросу о личности самого автора, не назвавшего себя, но поместившего в предисловии автобиографические данные, до сих пор не существует однозначного мнения. Впервые предположение о принадлежности его к духовному званию было высказано В. Н. Татищевым, который изучал список с припиской, где в приписке указывалось имя священника Иоанна Глазатого¹. С. М. Шпилевский резко возражал против признания автора лицом духовным, поскольку тот получил в награду от Ивана Грозного удел, что было возможным только для служилых людей. Вместе с тем он предполагал, что Глазатый мог быть автором «Отрывка Русской летописи». Г. З. Кунцевич и Г. Н. Моисеева высказывались в пользу мнения С. М. Шпилевского, отмечая религиозную веротерпимость автора и близость мировоззрения к позициям дворянских публицистов. Н. В. Водовозов сравнивает судьбу автора КЛ с известным пресвитером Тимофеем Владимирским, который также принял мусульманство, перешел на службу к казанскому хану и был позднее прощен Иваном Грозным. По крайней мере, считает Н. В. Водовозов, духовное звание объясняет особое положение автора, принявшего мусульманство, при дворе казанского хана, а также его кругозор и широкую литературную подготовленность, которая была свойственна людям, изучившим досконально «священное писание и святоотческие творения», свободно владевшим церковно-славянским языком².

История текстологического и источниковедческого изучения КЛ и изданий его текста весьма насыщена. Зарождение интереса к КЛ в русской историографии относится ко второй половине XVIII ст., времени создания первых фундаментальных исторических исследований русской истории и истории Казанского ханства. Этот период характеризуется прагматическим подходом к письменным источникам, и в условиях дефицита источников по истории Казанского ханства КЛ рассматривался прежде всего с точки зрения «добывания фактов». Некритическое и обширное использование сведений КЛ по истории взаимоотношений Казанского ханства и Русского государства характеризует первые исторические сочинения популярного характера, прежде всего Н. Баженова, И. Михайлова, Н. П. Загоскина, А. И. Лызлова и П. И. Рычкова³.

В. Н. Татищев, М. М. Щербатов и Н. М. Карамзин включали отдельные сведения КЛ в свои фундаментальные исторические труды достаточно осторожно в тех случаях, когда описываемые в КЛ события отсутствовали в летописях. В результате распространения многочисленных списков КЛ позднего происхождения и компилятивных по составу, целый ряд историков XIX в. отказывается использовать фактический материал КЛ⁴. Определенное отрицательное воздействие на историков оказала и первая, неудачная в археографическом отношении, публикация КЛ, которая была осуществлена в 1791 г. И. Г. Стриттером по двум спискам из собрания Московского архива Министерства иностранных дел: «История о Казанском царстве неизвестного сочинителя XVI столетия по двум старинным спискам» (СПб., 1791). Опубликованное без

каких-либо комментариев, с воспроизведением текста в современной изданию орфографии, оно повторило все дефекты и ошибки списков и добавило новые.

Две последующих попытки издания списков КЛ прекратились, едва начавшись, на страницах местных журналов: «Казанского вестника» в 1810 г. и «Симбирского сборника» в 1848 г. и поэтому не оказали влияния на научное изучение КЛ.

Новая волна возрождения интереса к КЛ и начало серьезного источниковедческого и текстологического исследования памятника относятся к концу XIX — началу XX в., когда в Казани и в Санкт-Петербурге готовятся два издания памятника. Первое из них было приурочено к 350-летию взятия Казани: «Сказание о зачатии царства Казанского и о победах великих князей московских со царями казанскими преславно содеянных, и о взятии того царства Казанского от благочестиваго государя царя и великого князя Иоанна Васильевича, всея России самодержца» (Казань, 1902). Издание осуществлялось Казанским университетом по списку, принадлежащему Ф. Т. Васильеву, и на его средства. Предисловие, указатель имен и краткое родословие монгольских и татарских ханов были подготовлены знатоком истории Казанского ханства Н. Ф. Катановым. Передача текста осуществлялась по принципу полного воспроизведения источника с сохранением его орфографии, ошибок, нумерации листов, с палеографическим описанием, копиями филиграней, что имеет сегодня большое научное значение, поскольку местонахождение списка Ф. Т. Васильева в настоящее время установить не удалось. В предисловии содержались некоторые разъяснения по поводу написания татарских нарицательных имен и слов, родословный список татарских ханов, выборочная литература для интересующихся историей Казанского ханства.

Настоящее издание связано с деятельностью Императорской Археографической комиссии. Еще в 70-х годах XIX в. подготовка издания была поручена А. Е. Викторову, однако вскоре была приостановлена, а затем передана в руки магистранта Императорского Санкт-Петербургского университета Г. З. Кунцевича. Была проведена огромная поисковая работа по учету и изучению списков КЛ, собрана значительная библиография о списках КЛ (выявлены ссылки и упоминания о 194-х списках в государственных хранилищах и частных собраниях). Г. З. Кунцевич визуально просмотрел около 100 списков, отбирая наиболее интересные для публикации, палеографически и текстологически исследовал их с позиций достижений науки конца XIX — начала XX в. Правда, поскольку Г. З. Кунцевич о некоторых списках судил исключительно по библиографическим ссылкам, часть списков была отнесена к КЛ ошибочно, а последующая судьба некоторых неизвестна. В настоящее время удалось идентифицировать только 151 из указанных Г. З. Кунцевичем списков⁵.

Одновременно Г. З. Кунцевич подготовил фундаментальную монографию, которая тесно связана с изданием рукописей КЛ, вышедшую двумя годами позже — в 1905 г. В ней подробно рассматриваются списки КЛ, анализируются содержащиеся в нем сведения общей русской истории и Казанского ханства, высказываются предположения об источниках, положенных автором в основу КЛ. Г. З. Кунцевич проводит текстологический анализ находящихся в его распоряжении списков, классифицирует их на де-

вать редакций и выделяет три наиболее древние по тексту, существенно отличавшиеся от ранее известных и опубликованных списков. Монография объясняет принципы выделения текстов для публикации в составе XIX тома ПСРЛ и разделение его на две части.

Две ранние редакции, известные в трех списках, по мнению Г. З. Кунцевича наиболее близки к протографу и отличались по содержанию текста тем, что композиционно, стилистически и идеологически представляли единое целое. Они незначительно переработаны по сравнению с предполагаемым авторским протографом, который не сохранился. Все эти списки он представляет в XIX томе ПСРЛ, в его первой части (стб. 1–183). Соловецкий список как основной: РНБ, Соловецкое собр., № 42 / 1501; в разночтениях – Срезневский: БАН, собр. И. И. Срезневского, № 24.5.9; Буслаевский список: РНБ, Q.IV. 209).

На основании реалий текста этих редакций Г. З. Кунцевич определяет время составления КЛ – 1564–1566 гг. – и вероятный круг его источников, среди которых: Хронограф 1512 г. русской редакции, Никоновская, Новгородская IV, Воскресенская, Софийская II и Львовская летописи, Летописец Начала царства, разрядные книги, космография, обширная духовно-религиозная литература, татарские предания и легенды. Ранние редакции (I и II), по мнению Г. З. Кунцевича, были составлены до 1573 г. Из ста существующих глав (число глав, за исключением кратких редакций, незначительно колебалось в зависимости от последующей переработки текста) главы «О взятии Великаго Новаграда», «О послех от царя пришедших» и «О конечном запустении Златыя Орды» и заключительная «Похвала царю и великому князю», существующие в тексте II редакции, по мнению Г. З. Кунцевича, не могли быть в авторском протографе⁷. Однако при публикации XIX тома им были учтены тексты, представляющие обе редакции, а отсутствующие в тексте I редакции (Соловецкий список: РНБ, Соловецкое собр., № 42 / 1501) указанные главы восполнялись по списку II редакции (Буслаевский список: РНБ, Q.IV. 209).

Другие семь редакций (III–IX) восходили к протографу, где практически половина текста первоначальной редакции после главы «Совет царя и великого князя с бояры», как предполагал Г. З. Кунцевич, была заменена по идеологическим соображениям компиляцией из Степенной книги, «Отрывка русской летописи» (ПСРЛ, т. VI) и других источников (среди которых Грамота митрополита Гермогена патриарху Иову о казанских мучениках Иване, Петре и Стефане). Протограф этих редакций создавался после 1592 г. (времени составления грамоты митрополита Гермогена, вошедшей в состав поздних редакций). В нем изъяты не соответствующие официальным представлениям 90-х годов XVI в. сведения, характеристики событий и отдельных лиц. Как считал Г. З. Кунцевич, поздние редакции отличались только набором позднее добавленных из Степенной книги глав и их переработкой. IX редакция (Краткий Казанский летописец) создавалась в конце XVIII в.⁸ Г. З. Кунцевич убедительно показал, что знакомство с такими списками и давало основания для утверждений многих историков о «баснословности» и «компилятивности» КЛ.

Такой противоречивый состав текста списков КЛ ранних и поздних редакций вызвал у Г. З. Кунцевича необходимость разделения публикации памятника в XIX томе ПСРЛ на две части, положив в основу два типа текста — как оригинального, так и с компилятивной частью текста после главы 49 — «Совет царя и великого князя с бояры».

В основу второй части XIX тома (стб. 188–337) положен Ундольский список (У.), датированный Г. З. Кунцевичем концом XVI — началом XVII в., который предполагал, что он отражает древнейший из известных ему списков разных редакций КЛ текст (уточненная датировка — 20–30-е годы XVII в.: РДБ, ф. 310, собр. В. М. Ундольского, № 774.) Выбор списков для разночтений определялся не столько редакциями и разрядами, сколько наиболее исправными текстами. Разночтения приводятся по 7 спискам: РНБ, F.IV.134. (вар. П.); РНБ, Погодин., № 1444 (вар. Хр.); РГБ, ф. 173 (фунд.), № 98. (вар. М.); БАН, 34.6.64. (вар. А.); РНБ, Q. IV.170 (вар. В.); РГАДА, ф. 181, № 95 (вар. Д.); РНБ, Погодин, № 1484 (вар. Пг.).

Следует отметить, что это издание вызвало необычайный интерес не только со стороны историков⁹, но и со стороны литературоведов и лингвистов и положило начало специальному филологическому изучению жанра, стиля и лексики КЛ¹⁰. Филологи начали активный поиск литературных источников КЛ. А. С. Орлов, изучавший беллетристику XVI–XVII вв., обнаружив сходство в судьбах автора КЛ и Искандера, автора «Сказания о взятии Царьграда турками» (или Повести Нестора-Искандера о взятии Царьграда), высказывает предположение о заимствованиях неизвестного автора КЛ из Повести Нестора-Искандера, а также из позднейших летописных сводов. Он же обращает внимание на знакомство автора со Сказанием о Мамаевом побоище¹¹.

Дальнейшее текстологическое исследование списков памятника, состава, содержания и художественных особенностей принадлежит Г. Н. Моисеевой, которая вводит в научный оборот значительное количество неизвестных Г. З. Кунцевичу списков (около 60-ти). Уточняя круг источников (включив в их состав послания А. М. Курбского, посольскую переписку, местнические дела (суды), родословные книги и др.) и время возникновения КЛ (1554–1555 гг.), Г. Н. Моисеева опротестовывает суждение А. С. Орлова о заимствованиях КЛ, высказывая доверие к автобиографическим данным, подтвержденным самим повествованием¹². Г. Н. Моисеева называет 79 новых списков, однако среди них есть и описанные Г. З. Кунцевичем в его монографии¹³.

Придерживаясь той точки зрения, что редакцией можно считать не любое сознательное изменение текста, а только то, что существенно меняет политическое назначение памятника, Г. Н. Моисеева разделяет списки на две редакции, а внутри второй выделяет 7 групп в зависимости от окончания КЛ. В особую группу выделены списки, часть текста которых утеряна. II редакция соответствует III–IX редакциям Г. З. Кунцевича, и по мнению Г. Н. Моисеевой, возникает после 1592 г. и характеризуется «политической» переработкой текста, когда вторая, оригинальная половина текста заменяется указанными официальными источниками. В целом основные выводы относительно времени создания ранних и поздних редакций у Кунцевича и I и II редакций у Моисеевой близки друг другу.

Вместе с тем Г. Н. Моисеева подвергла сомнению некоторые предположения Г. З. Кунцевича относительно состава авторского текста, и прежде всего инородности глав, посвященных завоевательной политике Ивана III («О взятии Великого Новаграда», «О послех от царя пришедших» и «О конечном запустении Златяя Орды») и заключительной главы «Похвала царю и великому князю», посвященной Ивану Грозному, которые Г. З. Кунцевич считал позднейшей вставкой. Г. Н. Моисеева считает эти главы стилистически и композиционно близкими к основному тексту. Позднее те же предположения относительно «Похвалы» подкрепляет дополнительными аргументами С. И. Кокорина.

На основании анализа списков КЛ I редакции Моисеева выделяет наидревнейший (ИРЛИ, собр. В. Н. Перетца, № 98) и осуществляет его публикацию под названием «Казанская история» как наиболее соответствующим жанру КЛ¹⁴. По классификации Г. З. Кунцевича Перетцовский список принадлежит I редакции, опубликованной в первой части XIX тома ПСРЛ. Издание содержит краткий археографический обзор и перечень списков КЛ, просмотренных Г. Н. Моисеевой. На основании своих предположений о первоначальной редакции КЛ Г. Н. Моисеева производит частичную «реконструкцию» текста с целью его приближения к авторскому, в текст вводятся указанные три главы («О взятии Великого Новаграда», «О послех от царя пришедших» и «О конечном запустении Златяя Орды» — из списка ГПБ, Ф.IV.578), а также опускает фрагменты, которые, по ее мнению, не могли быть в составе авторского текста. Такой подход вызвал возражения у С. И. Кокориной¹⁵.

Вклад в дальнейшее исследование источников текста ранних редакций принадлежит А. С. Насонову, который обнаружил неизвестный общий для Летописца начала царства (который Г. З. Кунцевич считал источником КЛ) и КЛ документ — Троицкое сказание о взятии Казани в 1552 г.¹⁷ В свою очередь, филологи указывают на знакомство автора с историческими песнями (М. Н. Сперанский, В. К. Соколова, В. П. Адрианова-Перетц, Б. Н. Путилов) и со Словом о погибели Русской земли (Д. Н. Альшиц).

В 1959 г. художественное издание памятника в переводе на современный русский язык на основании списка, опубликованного Г. Н. Моисеевой, осуществил Н. В. Водовоз¹⁸.

Заметную роль сыграли литературоведческие исследования Т. Ф. Волковой, изучавшей целенаправленную работу автора по созданию единого сюжета, отражающего его субъективную историческую концепцию казанской победы. Т. Ф. Волкова, присоединяясь к мнению А. Н. Насонова о троицком источнике, считает его непосредственным источником КЛ, а также исследует знакомство автора с жанром хождений, Историей о великом князе Московском А. М. Курбском и др.¹⁹ В 1985 г. Т. Ф. Волковой был подготовлен к изданию в серии «Памятники литературы Древней Руси» текст наиболее полного списка КЛ I редакции по классификации Г. Н. Моисеевой и В. А. Кучкина, не известного Г. З. Кунцевичу (ГПБ, Ф.IB.578), осуществленному в 1988 г. Текст исправляется по опубликованному Г. Н. Моисеевой Перетцовскому списку, переводится на современный русский язык (Т. В. Волкова) и снабжается комментарием (И. А. Евсева)²⁰.

В 60-х годах текстологию и историю КЛ как памятника публицистической мысли XVI в., обосновывающего самодержавную внешнеполитическую деятельность Русского государства, рассматривали и западные ученые, прежде всего Эдвард Кинен²¹, Франк Кэмпфер²² и Ярослав Пеленский²³.

Э. Кинен на основании стилистического анализа опубликованных Г. З. Кунцевичем и Г. Н. Моисеевой списков высказал предположение, что КЛ создавался в несколько этапов и как законченное произведение возник в 1626–1640 гг. Первый этап истории текста КЛ, по его мнению, относится ко времени последних лет самостоятельного существования Казанского ханства до его завоевания и заключался в сборе автором материала и соответствующей его обработке. Второй этап наступил во второй четверти XVII в., когда весь собранный автором материал подвергся переработке новыми редакторами, в результате которой возникли известные нам сегодня редакции КЛ. Э. Кинен предположил, что протограф второй редакции (или поздних редакций Кунцевича и II редакции Г. Н. Моисеевой) по тексту ближе к «оригиналу», чем протограф первой (соответственно — ранних редакций Г. З. Кунцевича и I редакции Г. Н. Моисеевой). Переработка текста, по мнению Кинена, носила сугубо литературный характер и гораздо менее политический (как считала Г. Н. Моисеева). Вслед за Г. З. Кунцевичем и Г. Н. Моисеевой, он считал автора КЛ выходцем из приказных дьяков²⁴.

Выводы Э. Кинена были взяты под сомнение Ф. Кэмпфером и Я. Пеленским²⁵.

Рассматривая КЛ как один из основных историографических источников XVI в., Ф. Кэмпфер довольно подробно останавливается на его текстологическом изучении. Отдавая предпочтение классификации списков, предложенных Г. З. Кунцевичем, Ф. Кэмпфер, вместе с тем, принимает некоторые выводы Г. Н. Моисеевой в части характеристики идеологии и публицистической направленности КЛ и рассматривает КЛ не как документальный исторический источник, а как памятник великодержавной идеологии, обосновывающей (вместе с такими памятниками русской историографии, как Летописец начала царства, Никоновская летопись, Царственная книга, Степенная книга, переписка Ивана Грозного и Андрея Курбского и др.) необходимость покорения Казанского ханства. Ф. Кэмпфер перевел КЛ и подготовил его издание на основании публикации Г. Н. Моисеевой.²⁶

С исследованием Ф. Кэмпфера перекликаются и взгляды Я. Пеленского, который хотя и интересуется преимущественно идеологическими обоснованиями завоевания Казанского ханства, рассматривает некоторые текстологические особенности КЛ по исследованиям и публикациям Г. З. Кунцевича, Г. Н. Моисеевой, Э. Кинена и Ф. Кэмпфера, приняв в целом текстологическую концепцию Г. З. Кунцевича. Анализируя взгляды Э. Кинена на дату окончательного оформления и классификации КЛ, Я. Пеленский отдает предпочтение точке зрения Г. З. Кунцевича и Г. Н. Моисеевой на авторский текст (1564–1565 гг.), относит осуществление первой переработки текста после смерти Ивана Грозного к 1584–1592 гг., а возникновение бесчисленных специфических переработок текста — к XVII в.

Поскольку текстологические концепции Г. Н. Моисеевой, Т. Ф. Волковой, Э. Кинена и Ф. Кэмпфера были построены на изучении только нескольких списков I редакции, которая исходно понималась как наиболее древняя по тексту и не учитывала наличия текстов других списков, трудно было выйти из круга спорных вопросов по поводу не дошедших до нашего времени авторского текста и протографических списков КЛ, зависимости и происхождения текстов дошедших до нас списков. Поэтому возникла потребность продолжить начатое Г. З. Кунцевичем исследование КЛ по всем доступным спискам. Выявление и идентификация 270 списков КЛ, в том числе указанных Г. З. Кунцевичем и Г. Н. Моисеевой, и открытых новых 59 списков (в том числе 2 списка, соответствующих I редакции Г. З. Кунцевича и I редакции Г. Н. Моисеевой: НБ Саратовского государственного университета, № 886 и ГИМ, Воскресенское собр., № 155), а также их историко-текстологическое исследование и классификация были проведены Л. А. Дубровиной. Все списки были изучены палеографически и кодикологически, проведен текстологический анализ с целью установления времени составления и происхождения, среды бытования, взаимосвязей текстов списков и особенностей изменений текста в разные периоды времени. Такой подход позволил по-новому посмотреть на происхождение редакций и классифицировать списки на основе изменений и развития текста всех редакций.

Если Г. З. Кунцевич за основу понятия «редакция» брал существенные по объему изменения текста и расположение глав — выписок из Степенной книги, а Г. Н. Моисеева — только изменения, существенно меняющие политическое назначение текста, здесь редакция рассматривается как совокупность сознательных и целенаправленных изменений, влияющих на содержание, структуру и состав текста. На основании проведенного сопоставительного анализа текстов всех выявленных списков, наряду с редакциями, предложена более крупная классификационная категория — тип (произведение разделено на три типа, в зависимости от состава текста до и после главы «Совет»), включающая в себя несколько редакций. Внутри редакций в зависимости от изменений текста выделены изводы.

Первый тип представлен одной редакцией, возникшей после 1584 г. — в начале XVII в. в шести списках, соответствующих I редакции Г. З. Кунцевича и некоторым спискам первоначальной редакции Г. Н. Моисеевой. В этой редакции по сравнению с авторским текстом произведены некоторые сокращения в первых 27 главах, в том числе опущены пять глав (2–6), посвященных истории взаимоотношений Русского государства и Золотой Орды, известных из всех других редакций (которые Г. З. Кунцевич считал позднейшей вставкой, а три из них, указанные выше, Г. М. Моисеева считала частью авторского текста). Из свидетельств принадлежности этих глав к протографу КЛ назовем главные: их можно найти в главах «О первом взятии Казанском» и «О втором взятии Казанском», где сохранились отсылки на отсутствующий текст: «И тако бысть отовсюду зло угнетение Златой Орде оной яко же прежде речеса» (КИ, с. 49) и «Сей же взя великий Новград яко же впреди сказася» (КИ, с. 57–58).

Изменен рассказ о первом основании (Старой) Казани, которое в протографе приписывалось золотоордынскому преемнику Батгя хану Саину в 50-х годах XIII в., а в I редакции – болгарскому хану Саину в 1177 г. (в некоторых списках – 1172, 1175 гг.) – периоду, предшествовавшему татаро-монгольскому нашествию. Рассказ об основании Казани Саином Золотоордынским содержится в отсутствующей главе «О великом князе Ярославле» и в присутствующей в I редакции I типа главе «О втором начале Казанского царства». В последней прямо указывается на отсутствующий текст и на то, что и во второй раз Казань основывается золотоордынским (а не болгарским) ханом: «от Златые орды злая ветвь произыде Казань, горький плод изнесе; зачася от другого царя ордынский» (КИ, с. 74). Заменяя Саина Ордынского на Саина Болгарского редактор, который для объяснения появления Саина Болгарского в тексте вводит фразу «Бысть же на Каме старый град, именем Брягов», однако, очевидно по невнимательности, не устраняет присутствующий во всех остальных списках первого, второго и третьего типов повтор фразы «Ту же был на Каме старый град именем Брягов болгарский», а также «И любляше царь (новый город Казань), и часто сам от стольнаго своего града Сарая приходяще и живяще в нем» (КИ, с. 47, 48).

Кроме того, введены дополнительные завершающие повествование главы «О хождении к Казани» и «Похвала», составленные после смерти Ивана Грозного в форме некролога, отсутствовавшие в протографе, который логически и по анализу текста завершался главой «О взятии Казанском, и о трудах, и о скорбех царя и великого князя». Общее количество глав I редакции первого типа – 94. Появление этой редакции могло быть вызвано внешнеполитической обстановкой и попыткой нейтрализовать претензии Крыма и Турции на Казань и Астрахань как татарские «юрты» в 70–90-х годах XVI в. и развитием концепции исторической преемственности Киевской Руси и Русского централизованного государства²⁷.

Редакции второго типа образуют 259 списков, представляющие 18 редакций (в том числе списки, представленные Г. З. Кунцевичем в III–IX редакциях и «позднейшие» редакции Г. Н. Моисеевой). Протограф редакций второго типа («поздних» редакций Г. З. Кунцевича и II редакции Г. Н. Моисеевой), не дошедший до нашего времени, был составлен, как справедливо считали Г. З. Кунцевич и Г. Н. Моисеева, после 1592 г., и скорее всего, в 10-х годах XVII в. В недошедшем протографе этих редакций представлен иной рассказ не только об основании, но и о взятии Казани, после главы «Совет», а также утрачен еще один фрагмент текста из его первой части с рассказом о гибели князя Чури из главы «О восставшем мятежи в Казани и о убиении князя Чюри».

Ряд разночтений и наблюдений над изменениями текста списков разных редакций свидетельствует о дефектности протографа редакций II типа и о случайности утраты текста после главы «Совет», а не о сознательном политическом изменении текста, как предполагали Г. З. Кунцевич и Г. Н. Моисеева. Это положение имеет принципиальное значение для понимания истории текста КЛ и его переработок.

Протограф редакций II типа возникает, скорее всего, на волне общего оживления социально-политической жизни в Русском государстве. Во всяком случае, не изве-

стно ни одного списка, который датировался бы более ранним временем. Даже древнейший из известных списков, Перетцовский, вопреки представлениям Г. Н. Моисеевой, относящей этот список к концу XVI в., по филиграммам (среди которых кувшинчик с датой 1609 г.) не может быть датирован ранее 10-х годов XVII в. Зато начиная с 20-х годов происходит своеобразный «взрыв» количества списков КЛ. Составитель протографа второго типа восполняет текст из других источников (это Степенная книга, Повесть о Казанском взятии, послужившая общим источником и для Отрывка русской летописи (VI том ПСРЛ), Грамота митрополита Гермогена о казанских мучениках). Однако совершает это крайне небрежно, что породило в последующем значительное количество редакций структурного и идеологического характера, где тексты второй части приспособлялись к первой по содержанию и идеологии.

В пользу этого свидетельствуют признаки **механического разрыва текста**, логические и стилистические несоответствия и противоречия в нем, которые устранялись постепенно в разных редакциях за счет перестановки глав, дописывания текста и его стилистического редактирования. Поэтому в некоторых ранних списках редакций II типа (в особенности 3-й редакции) нумерация глав после главы «Совет» отсутствует, а в последующих редакциях колеблется от 90 до 101 (в зависимости от переработок текста).

Сравнение текстов редакций I и II типов в части до главы «Совет» позволяет сделать вывод о том, что текст протографа редакций II типа в первой своей части — до главы «Совет» ближе к авторскому, чем текст I редакции I типа. В этом можно согласиться с некоторыми наблюдениями Э. Кинена, предположившего, что протограф этой редакции II типа (или поздних редакций Кунцевича и II редакции Г. Н. Моисеевой) по многим чтениям текста ближе к авторскому «оригиналу». Это наиболее очевидно в 3-й редакции II типа.

К не дошедшему до нашего времени протографу редакций II типа восходят независимо друг от друга четыре (1—4) основные редакции, остальные же (5—17), а также две краткие являются производными от основных.

Анализ разночтений, встречающихся в списках редакций II типа, опровергает предположения Г. З. Кунцевича, что поздние редакции возникали по мере дополнения основного текста выписками из Степенной книги. Выписки в полном объеме существовали в протографе II типа. Они перерабатывались, сокращались и дополнялись по мере переписки текста. Наибольший интерес для истории текста представляют первые пять редакций, стоящие к протографу ближе, чем все остальные, и не обнаружившие следов зависимости текстов друг от друга²⁸.

Основные принципы переработки текста: упорядочение хронологическое и структурное, приведение в соответствие содержания первой и второй частей; переработка, направленная на устранение негативного материала о русских воеводах или на сокращение позитивного материала о татарах и черемисах; введение новых материалов о походе на Казань, дополнительного материала о «казанском взятии» из других источников (в частности, в 6-й редакции — Сказания о князьях Владимирских) и др. Выделяются изводы, учитывающие частичные изменения текста (так, Новгородский извод

5-й редакции характеризуется устранением негативного материала об изменах новгородцев и введением дополнительного материала о Великом Новгороде), а также 2 краткие редакции II типа, составленные на основе 17-й и 4-х редакций второго типа в первой четверти XVIII в. и существенно поновленные стилистически.

Первая редакция II типа представлена списком Ундольского, удачно положенным Г. З. Кунцевичем в основу второй части XIX тома ПСРЛ. Остальные списки, использованные в разночтениях, представляют 2-ю и 4-ю редакции второго типа. Списки 3-й редакции второго типа, также представляющие текст, восходящий к протографу, Г. З. Кунцевичем привлечены не были. Трудно объяснить отношение Г. З. Кунцевича к спискам, представлявшим в этой редакции более полный текст и, как нам представляется, протографический состав глав (3-я редакция II типа, представленная 24 списками, самые ранние из которых — 30-х годов XVII в.), ускользнувший от внимания Г. З. Кунцевича и не учтенный им во время подготовки XIX тома ПСРЛ. Возможно, это решение связано с тем, что в списках этой редакции отсутствует очередная часть основного текста: еще один пропуск текста в конце главы «Совет» по сравнению с протографом 1, 2, 4-й редакций II типа, по объему равный листу протографа: «язык незнаемых поработиша и мало молчанию быша». Этот пропуск может быть объяснен, если принять высказанное положение о дефектности общего протографа, в котором была утрачена часть текста после главы «Совет». Текст протографа 3-й редакции восходил к нему непосредственно, однако позднее 1-й и 2-й редакций, когда был утрачен еще один лист. Для редакции характерно перемещение 3–5-й глав после главы 11-й и отрывки текста о черемисах и Иване III — из главы 11-й в 1-ю²⁹.

Четвертая редакция также возникла в 20–30-х годах и представлена 65 списками. Редактор знал, по крайней мере, два списка: один — близкий к протографу II типа, другой — к Румянцевскому изводу 3-й редакции II типа. В протограф этой редакции введены дополнительные сведения о трех походах русских войск на Казань (глава 11а), в главу «Совет» помещен ответ Ивана Грозного боярам (иной по тексту, нежели в редакциях первого типа) и другие дополнения и структурные изменения³⁰.

Наиболее интересным и привлекающим внимание представляется III тип редакций. Он состоит из I редакции III типа, представленной протографическим для III типа Библиотечным (Публичным) списком, созданным в 60-х годах XVII в. (ГПБ, F.IV.578, опубликованным Ф. Т. Волковой), и 2-й редакции III типа, сокращенной после 13-й главы, представленной двумя списками: Буслаевским (ГПБ, F.IV.209) и Музейским (ГИМ, Музейское собр., № 2323). Один из этих списков, Буслаевский, опубликован Кунцевичем в составе XIX тома ПСРЛ.

Текст протографа редакций III типа до главы «Совет» восходит к протографу редакций II типа. Он повторяет состав основного текста, свойственный всем редакциям II типа: в нем присутствуют 2–6-я главы, нет пропусков, характерных для 1-й редакции I типа и ее противоречивых чтений; повторяются ошибочные чтения основного текста редакций II типа, нет ошибочных и зависимых чтений 1-й редакции I типа. Судя по некоторым чтениям (например, в предисловии «сладкия повести и старья» в

отличие от чтений других редакций «сладкия повести и новья»; указания о посылке против князя Дмитрия Галицкого двух князей тверских вместо тверского и рязанского, слитность первой и второй главы; употребления в некоторых местах «черемиса дольная» вместо «черемиса горная» и др.) можно предположить зависимость его текста от общего с текстом 2-й редакции II типа списка, не дошедшего до нас. После же главы «Совет» — к тексту списка 1-й редакции I типа, близкого к Никифоровскому списку (РГБ, ф. 199 (собр. Н. А. Никифорова), № 174) и, более отдаленно, — к Перетцовскому³¹.

Библиотечный список, достаточно поздний по своему происхождению — 60-е годы XVII в., — тем не менее, представляет удачную реконструкцию состава и расположения глав авторского текста (за исключением двух последних глав «О хождении к Казани» и «Похвала», которые возникли после смерти Ивана Грозного и включены в состав 1-й редакции I типа)³². Краткая редакция этого типа была известна Г. З. Кунцевичу и опубликована в разночтениях (Буслаевский список). Кунцевич, обращая внимание на его родственность ранним редакциям, не смог объяснить его специфику, которая выяснилась только после обнаружения этого списка, а также включения аналитического материала, представленного 3-ей редакцией II типа и ее производными (прежде всего, 5-ой).

Вопроса происхождения списка ГПБ, F.IV.578 касается и В. А. Кучкин, анализирувавший его в сопоставлении с опубликованными списками I редакции по классификации Г. Н. Моисеевой (Перетцовским, Соловецким, Срезневским, Буслаевским). Поддерживая классификацию списков КЛ на две редакции Г. Н. Моисеевой, он, однако, считает, что список ГПБ, F.IV.578 ближе к протографу, и относит его к первому изводу I редакции; ко второму — Перетцовский, Соловецкий, Никифоровский и Срезневского; к третьему — Музейский и Буслаевский списки. Старшим, по его мнению, является первый извод, к которому восходит второй и третий изводы редакции памятника³³.

Выводы В. А. Кучкина в отношении наличия протографических чтений Библиотечного (Публичного) списка (ГПБ, F.IV.578) среди «других списков первой редакции «Истории о Казанском царстве» (I редакции I типа по нашей классификации. — Л. Д.) являются вполне справедливыми³⁴. Вместе с тем В. А. Кучкин подвергает сомнению вывод о более позднем происхождении текста списка и реконструкции его состава на основе текстов двух типов (по Л. А. Дубровиной).

Однако система доказательств В. А. Кучкина о некорректности вывода в отношении происхождения Библиотечного (Публичного) списка как составного не может быть принята. Она базируется на исходно ошибочно представленном В. А. Кучкиным утверждении, что, по мнению Л. А. Дубровиной, «первые 49 глав были заимствованы из II редакции (II типа) «Казанской истории», а последующие главы — из I-й редакции (I типа)». В наших публикациях (и в том числе в той, на которую делается ссылка В. А. Кучкиным, — автореферате кандидатской диссертации 1981 г.) утверждается иное: «Текст восходит к двум источникам. До главы «Совет» — к списку, близкому к протографу редакции II типа» (а не ко 2-й редакции II типа. — Л. Д.). «После главы «Совет» —

составитель воспользовался списком редакции I типа, близким к Никифоровскому», в меньшей мере Перетцовскому (а не является зависимым от Перетцовского и Соловецкого, как утверждает, сличая тексты, В. А. Кучкин. — *Л. Д.*)³⁵. В свете этого последующие доказательства о протографичности списка ГПБ, F.IV.578, к тому же вырванные из контекста общего анализа всех списков, теряют свое значение.

Другое дело, что сравнение текста Библиотечного списка (ГПБ, F.IV.578) со всеми редакциями II типа, которые, как и Библиотечный список, восходят к общему протографу редакций II типа, свидетельствует о близости текста Библиотечного списка в части после главы «Совет» к тексту 2-й редакции II типа по сравнению со всеми остальными, а не о заимствовании от него. Из всех основных редакций II типа наиболее близкими по протографическим чтениям основного текста к общему протографу редакций являются списки 3-й редакции II типа, не исследованной В. А. Кучкиным.

Возникшие дискуссии лишней раз подтверждают важность переиздания Истории о Казанском царстве (Казанского летописца) в остающемся до сих пор единственным критическом издании КЛ в XIX томе ПСРА для дальнейшего его историко-текстологического и литературоведческого изучения как памятника русской историографии и литературы XVI в.

Примечания

¹ *Татищев В. Н.* Российская история. М., 1786. Кн. 1. Ч. 1. С. XII. Этот список как вариант «Ср.» опубликован Кунцевичем в составе XIX тома ПСРА: ныне — БАН, собр. И. И. Срезневского, 24.5.9. Авторитетность мнения В. Н. Татищева определило приписывание авторства священнику Иоанну Глазатому И. И. Новиковым, митрополитом Евгением, митрополитом Филаретом, Д. И. Иловайским.

² *Шпилевский С. М.* Древние города и другие болгарско-татарские памятники Казанской губернии. — Казань, 1877. С. 557; *Кунцевич Г. З.* История о Казанском царстве, или Казанский летописец: Опыт историко-литературного исследования. СПб., 1905. С. 555; *Моисеева Г. Н.* Автор «Казанской истории» // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1953. Т. IX. С. 266–288; *Водовозов Н. В.* Предисловие // Сказание о Царстве Казанском. М., 1959. С. 13–14.

³ *Баженов Н.* Казанская история. Казань, 1848; *Михайлов Н.* Храм славы, воздвигнутый Российским ополчением самодержцу своему царю Иоанну Васильевичу Второму, или Подробное описание всех сражений, бывших между россиянами и казанцами. М., 1800; *Загоскин Н. П.* Казань и Казанское царство до покорения Русской державе // Спутник по Казани. Казань, 1895; *Лызлов А.* Скифская история. СПб., 1879. Включение значительных фрагментов КЛ в позднейшие летописные компиляции и их издания способствовали распространению КЛ как историко-литературного источника: Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии. СПб., 1798. Ч. 2. С. 30–243.

⁴ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 3. Т. 4. С. 381, прим. 358; *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1842; *Шпилевский С. М.* Древние города и другие болгарско-татарские памятники Казанской губернии. Казань, 1877. С. 75; *Перетяткович Г. И.* Поволжье в XV–XVI вв. М., 1877. С. 115–116; *Иловайский Д. И.* История России. М., 1890. Т. 3. С. 624.

⁵ *Дубровина А. А.* История о Казанском царстве (Казанский летописец): Списки и классификация текстов. Киев, 1989. С. 7.

⁶ *Кунцевич Г. З.* История о Казанском царстве. С. 162–192, 507–508.

⁷ Там же. С. 176–184.

⁸ Здесь следует назвать прежде всего работу Худякова М. Г. «Очерки по истории Казанского ханства» (Казань, 1923). Дальнейшие исследования историков, специально занимавшихся вопросами и восточной политики Ивана Грозного, и отношениями с Казанским ханством, прежде всего А. А. Зими́на, С. М. Кашганова, Ш. Ф. Мухамедьярова, И. И. Смирнова, С. О. Шмидта, выявили необходимость дальнейшего историко-текстологического изучения КЛ, в особенности его ранних редакций.

¹⁰ Среди исследователей: А. К. Абдульманова, Д. Н. Альшиц, В. П. Ананьева, Т. С. Михеева, Е. А. Охомуш, В. К. Соколова, М. Сперанский, В. П. Сугоняй и др. Подробную библиографию см.: Волкова Т. Ф. Казанская история // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 1: А—К. С. 456—457.

¹¹ Орлов А. С. О некоторых особенностях стиля великорусской беллетристики XVI—XVII вв. СПб., 1909. С. 5—7; *Его же*: Героические темы древнерусской литературы. М.; Л., 1945. С. 113—117.

¹² Казанская история / Подгот. текста, вступ. ст. и прим. Г. Н. Моисеевой. М.; Л., 1954. С. 12—13.

¹⁴ Дубровина Л. А. История о Казанском царстве. С. 7.

¹⁴ Казанская история / Подгот. текста, вступ. ст. и прим. Г. Н. Моисеевой. М.; Л., 1954.

¹⁵ Кокорина С. И. К вопросу о составе и плане «авторского текста» «Казанской истории» // ТОДРА. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 576—586.

¹⁶ Кокорина С. И. К вопросу о составе и плане «Казанской истории» (по поводу нового издания «Казанской истории») // ТОДРА. М.; Л., 1956. С. 576—585.

¹⁷ Насонов А. Н. Материалы и исследования по истории русского летописания // Проблемы источниковедения. М., 1958. Т. 6. С. 239—345; *Его же*: Новые источники по истории Казанского взятия // Археографический ежегодник за 1960 г. М., 1962. С. 5—6.

¹⁸ Сказание о царстве Казанском / Вступ. ст., перелож. текста на совр. яз. и прим. Н. В. Водовозова. М., 1959.

¹⁹ Полный перечень статей Т. Ф. Волковой см.: Словарь книжности и книжников Древней Руси. С. 458. Здесь же следует назвать прежде всего такие работы Т. Ф. Волковой, как: К вопросу о литературных источниках «Казанской истории» («Казанская история» и жанр хождений) // ТОДРА. Л., 1981. Т. 36. С. 242—250; «Казанская история» и троицкие литературные памятники о взятии Казани: (К вопросу об историко-литературных особенностях «Казанской истории» // ТОДРА. Л., 1983. Т. 37. С. 104—117; Особенности сюжета Повести о казанском походе и «Истории» А. М. Курбского: (К вопросу о беллетризации историко-публицистического повествования в XVI в. // ТОДРА. Л., 1985. Т. 40. С. 248—259.

²⁰ Казанская история / Подгот. текста и пер. Т. В. Волковой, коммент. И. А. Евсеевой // Памятники литературы Древней Руси. М., 1985. С. 300—565; 601—624.

²¹ Keenan E. Muscovy and Kazan, 1445—1552. A Study in Steppy Politics: (Unpubl. dis.) Harvard University, 1965. Keenan E. Muscovy Patterns of Steppy Diplomacy // Slavic Review. 1967. N XXVI: 4. P. 548—558. Keenan E. Coming to Grips with a Kazanskaya Istoriya: Some Observation on Old Answers and New Questions // Annals of the Ukrainian Academy States. 1964—1968. N XI: 1—2; 31—32. P. 143—183.

²² Kämpfer F. Die Eroberung von Kazan 1552 als Gegenstand der zeitgenössischen Geschichte Historiographie // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Historische veröffentlichen. 1969. N XVI. S. 31.

²³ Pelenski J. Muscovite Imperial Claims to the Kazan Kahanate: A Case Study in the Emergence of the Imperial Ideology: Dis. 1967; Pelenski J. Muscovite Imperial Claims to the Kazan Kahanate // Slavic Review. 1967. N XXVI, 4. P. 559—576; Pelenski J. Russian and Kazan: Conquest and Imperial Ideology (1438—1560s.). 1974. P. 238.

²⁴ Keenan E. Coming to Grips with a Kazanskaya Istoriya. P. 146—160, 183, 175.

²⁵ Kämpfer F. Op. cit. S. 31; Pelenski J. Russia and Kazan. P. 126—127, N 60, 62; Kämpfer F. Op. cit. S. 9—24].

²⁶ Historie vom Zartum Kazan (Kazaner Chronist). Beginn der russischen Ostexpansion / Übers., eingel. u. erklärt von Frank Kämpfer. Crax—Wien—Köln, 1969. (Slavische Geschichtsschreiber, 7).

²⁷ Дубровина Л. А. История о Казанском царстве. С. 12—13, 38; По поводу даты основания Казани, содержащейся в КЛ, см.: Дубровина Л. А. Некоторые вопросы истории текста Казанского летописца: К вопросу об основании Казанского ханства // Материалы конф. молод. уч. МарНИИ. Йошкар-Ола,

1980. С. 12–20; *Добродамов И. Г., Кучкин В. А.* «Казанская история» и основание Казани // *Герменевтика древнерусской литературы*. М., 1989. Сб. 1. С. 430–479.

²⁸ *Дубровина Л. А.* История о Казанском царстве. С. 13–37.

²⁹ Там же. С. 21–22.

³⁰ Там же. С. 24–28.

³¹ Там же. С. 38–39.

³² Там же. С. 12, 38–39.

³³ *Добродамов И. Г., Кучкин В. А.* Указ. соч. С. 444.

³⁴ Там же. С. 443.

³⁵ Там же. С. 445; *Дубровина Л. А.* История о Казанском царстве. С. 38.

Датировка списков, осуществленная Г. З. Кунцевичем без привлечения анализа филиграней, требует уточнения. Кроме того, в описании приводятся данные о списках с учетом последней классификации на три типа, на что указывается в конце описания.

В основу первой части XIX тома (стб. 1–183) положен Соловецкий список (С.) Анзерского скита Соловецкого монастыря 40-х годов XVII в., ныне хранящийся в отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. Разночтения приводятся по двум спискам: Срезневскому (вар. **Ср.**), ныне хранящемуся в БАН, и Буслаевскому (вар. **Б.**), ныне хранящемуся в Российской национальной библиотеке.

Предлагаемое описание и название списков производятся на основе издания: *Дубровина Л. А.* История о Казанском царстве (Казанский летописец): Списки и классификация текстов / Отв. ред. С. М. Каштанов. Киев, 1989. После каждого описания по этому изданию даются ссылки на номер по списку и страницы с описанием.

1. Соловецкий список (РНБ, Соловецкое собр., № 42 / 1501). Рукопись 40-х годов XVII в. в 4°, на 187 листах, переплет – доски в тисненой коже.

Скоропись первой половины XVII в. одного почерка. Филиграни: герб лилия в щите под короной и литерами **ОР** (сходный знак – Лауцявичус, № 1274–1643 г.).

(Кунцевич – XVII в.; Моисеева – середина XVII в.). *Дубровина.* – № 1, с. 47–48.

2. Срезневский список (БАН, собр. И. И. Срезневского, № 24.5.9.). Сборник в 4° на 174 листах (лл. 175–184 чистые), переплет – доски в тисненой коже. КЛ – 40-х годов XVII в.

Состав:

1) лл. 2–158 – КЛ;

2) лл. 158–174 об. – «Повесть како всевидящее око Христос Бог наш отомсти злоубийцу и губителю Борису Годунову пролити неповинную кровь новаго стра(с)го-терпца благовернаго царевича Дмитрея».

Скоропись XVII в. одного почерка. Филиграни: лл. 1–143, 145–149, 159–175 – лилия в щите (сходные – Гераклитов, № 206–207 – 30–40-х годов XVII в.); лл. 144, 150, 151–158 – двуглавый орел (сходные – Гераклитов, № 132 – 40-х годов XVII в.); лл. 176–

179, 184 — двуглавый орел; лл. 180—183 — двуглавый орел (сх. Хивуд, № 1300 — 40-х годов XVII в.).

Зап. на л. 1: «Летописец казанский, сочиненный священником Иоанном Глазатым от 1392+1553 г., всех глав 101 глава»; на л. 174 об. штамп Сулакадзиева. Эта запись почерком второй половины XVIII в. послужила основанием В. М. Татищеву для предположений об Иоанне Глазатом как авторе КЛ.

(Кунцевич — XVII в.; Моисеева — первая четверть XVII в.). *Дубровина*, № 4, с. 47—48.

3. Буслаевский — РНБ, Q.IV.209. Сборник в 4°, на 361 листе (лл. 136 об., 150, 286 об., 286 чистые), переплет — картон.

Состав:

1) лл. 1—136 — Александрия: «Повесть, сиречь история о великом и храбром Александре Макидонском»;

2) лл. 137—149 об. — «Сказание о пришествии скверного царя Батыя, и како приходил в русскую землю воиную и хотел разорить Богом спасаемое царство христианское, богохранимый и царствующий град Москву и окрестные грады и веси и порубить православную веру христианскую при князе Димитрии Иоановиче Донском, и о победе великаго князя Димитрия Иоановича, и о храбрости его и мужестве, како победил безбожнаго царя Мамаю и силу его воинскую»;

3) лл. 195—260 — КЛ.

Скоропись XVII в. Почерки: 1) лл. 1—11 об.; 2) лл. 12—34 об.; 3) лл. 35—50, 110—136; 4) лл. 50—67 об.; 5) лл. 68—78 об.; 6) лл. 79—109 об.; 7) лл. 134—149 об.; 8) лл. 150—191; 9) лл. 192—195 об., 260—261 об.; 10) лл. 196—223, 358—361 об.; 11) лл. 224—259 об.; 12) лл. 262—286; 13) лл. 287—287 об.; 14) лл. 288—321; 15) лл. 321 об.—354 об.

Филиграни: лл. 1—6, 112—136, 151—162 — герб Амстердама (тождественный — Клепиков, № 885 — 1792 г.); лл. 7—93 — герб Амстердама и литеры **BR** и **PHAY** в рамке (тождественный — Хивуд, № 380, 350 — 1685 г.); лл. 94—111 — цветок; лл. 137—144 — епископ (вариант знака: Лауцявичус, № 3850); лл. 145—150 — герб Амстердама (сходный — Хивуд, № 434 — 1685 г.); лл. 163—190 — герб Амстердама (тождественный — Черчилль, № 41 — 1706 г.); лл. 196—215, 261—285 — голова шута; лл. 216—223 — голова шута (сходный — Гераклитов, № 1406 — 1681 г.); лл. 224—259 — герб семи провинций (тождественный — Хивуд, № 1338 — 1668 г.); лл. 286—361 — голова шута (тождественный — Хивуд, № 1978 — 1689 г.); лл. 195, 260 — голова шута.

Влад. зап.: лл. 5—30: скрепа на нижнем поле: «Сия книга глаголемая Александрия Ленвенского Новаго села Троицкой церкви диакона Димирия Васильева Калашникова, подписал своею рукою лета от Рождества Христова 1700 сентабря в 5 день на память святаго великомученика Никиты»; лл. 262—285: скрепа на нижнем поле: «Марта в 9 день [далее запись стерта] Григорья Дмитриевича Василисы Ивановны человек их Гаврилко Гогунин адарил теми тетрати Ачерскаго горотка сретенского попа Василия Фогиева, а в ней пишеть о взятии города Федоров Гогунин своею рукою. Никому дела нет».